

МАРИ
Ca

БЫВШИЕ

*Больше вас
не оставлю*

Мари Са

Бывшие. Больше вас не Оставлю

«Автор»

2026

Са М.

Бывшие. Больше вас не Оставлю / М. Са — «Автор», 2026

— У вас красивая дочь. Сколько ей?Его голос — низкий, угрожающий — и земля уходит у меня из-под ног.Семь лет я гнала его имя из головы.Семь лет улыбалась с обложек рядом с чужим мужчиной, который менял женщин чаще, чем рубашки.Семь лет растила рыжую девочку с голубыми глазами и упрямым подбородком, как у него.А теперь развод гремит на всю страну, я возвращаюсь в отцовскую деревню поднимать запущенные виноградники — и он выходит из серебристого внедорожника.Основной инвестор «южного кластера».Мужчина, который однажды уехал на стареньком «жигулёнке» и не вернулся.Он смотрит на мою Соню так, как смотрят на катастрофу.И я понимаю: самое страшное ещё даже не началось.

© Са М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Мари Са

Бывшие. Больше вас не Оставлю

Глава 1

В это утро я ещё не знала, что в два часа дня моя жизнь треснет пополам — второй раз за семь лет.

Солнце в Тамани к полудню становится белым.

Не золотым, не медовым — именно белым, выжигающим, и я шурюсь, прикрывая глаза ладонью, когда выхожу из погреба на двор.

Лоза вдоль кирпичной стены дрожит в мареве. Запах нагретой земли, перебродившего сусли из старой дубовой бочки, что отец так и не успел перебрать, и моря — солёного, ленивого, дышащего где-то за холмом.

— Мам, а тётя Зина сказала, что на ужин будут вареники с вишней.

Сонечка вертится у меня под рукой, держа в кулачке зелёный, ещё кислый виноград — оторвала, маленькая разбойница, с лозы, которую я три месяца выхаживаю.

Рыжие косички растрепались, на щеке — полоска пыли. Голубые глаза смотрят на меня снизу вверх, и каждый раз, когда я в них вглядываюсь, у меня внутри что-то обрывается.

Будто кто-то осторожно подсекает нитку — раз, и ещё раз, и однажды я не удержусь.

— Будут, солнышко. Если ты перестанешь обкрадывать мамину работу.

— Я не обкрадываю. Я пробую. Баб Зин говорит, винодел должен пробовать всё.

— Баба Зина много чего говорит.

Я наклоняюсь, отбираю у неё гроздь, целую в макушку. Волосы пахнут солнцем и шампунем с ромашкой.

Мне двадцать восемь, моей дочери — шесть, а кажется, я прожила уже три жизни.

Первая — здесь, в этой деревне, среди виноградников отца, с босыми ногами в горячей пыли и сердцем, которое умещалось в чужих ладонях. В ладонях мальчишки с голубыми глазами и упрямым подбородком, который клялся, что увезёт меня хоть на край света, а потом исчез — без объяснений, без прощаний.

Вторая — в Москве, под софитами, в чужих платьях, рядом с человеком, чьё лицо смотрело с каждого второго билборда. Рядом с тем, кто на сцене пел о вечной любви, а дома смотрел сквозь меня, как сквозь мутное стекло.

Кто менял женщин чаще, чем рубашки, и считал, что так и должно быть, — он же звезда, ему можно.

Кто на последнем нашем разговоре, когда я бросила ему в лицо заявление о разводе, усмехнулся и сказал: «Куда ты денешься, дурочка. Без меня ты — никто».

Третья — снова здесь.

Только теперь я возвращаюсь не девочкой, а женщиной, у которой за спиной развод, скандал на всю страну и шесть гектаров запущенной отцовской лозы, которую я поклялась поднять.

— Лизка! — голос тёти Зины из летней кухни. — Идут уже! По дороге пыль столбом. Машин шесть, не меньше!

Сердце делает неприятный кувырок. Делегация. Инвесторы. Те, от кого зависит, выживет ли «Тиховский исток» — винодельня, которую отец начал и не закончил, потому что инфаркт не спрашивает, есть ли у тебя время.

— Сонь, беги к бабе Зине. Помоги ей с виноградом, ладно? И не лезь под ноги взрослым.

— А мне можно посмотреть на дядей в галстуках?

— Можно. Из окна.

Она надувает губы, но убегает — рыжая молния в белом сарафане.

Я провожаю её взглядом, потом одёргиваю на себе льняное платье цвета мокрого песка, поправляю волосы.

Не стану наряжаться. Я здесь хозяйка, а не девочка из массовой.

Машины подкатывают к воротам одна за другой — чёрные, белые, тонированные стёкла, лак сверкает так, что больно глазам.

Я стою на крыльце старого отцовского дома, сложив руки на груди, и считаю про себя до десяти. Отец так делал перед важными разговорами.

Десять — это ровно столько, сколько нужно, чтобы лицо стало непроницаемым.

Первым выходит Гнатюк — мужчина лет шестидесяти, в льняном пиджаке, с лицом ленивого крокодила. Главный инвестор.

Я знаю о нём всё, что успела нарыть за последние два месяца: винодельни в Краснодарском крае, виноградники в Крыму, доля в трёх дистрибьюторских компаниях.

Жёсткий, прагматичный, не покупающийся на красивые слова.

— Елизавета Сергеевна! — он раскрывает руки, будто хочет обнять, но не обнимает. — Наслышан, наслышан. Ваш отец был мастер. Дай бог ему царствие.

— Спасибо, Игорь Леонидович. Проходите. У меня всё готово.

Я улыбаюсь — спокойно, по-хозяйски, как учила мама.

Из машин выходят ещё мужчины — четверо, пятеро. В костюмах не по погоде, кто-то уже снял пиджак, кто-то нет. Я киваю каждому, имена пролетают мимо ушей.

И только когда из последней машины — серебристого внедорожника — выходит шестой, у меня в горле застревает воздух.

Сначала я не понимаю, что именно происходит. Просто стою и смотрю.

Он высокий, в светлой рубашке с закатанными до локтя рукавами, тёмные волосы зачёсаны назад, лицо взрослого, чужого мужчины.

Дорогие часы на запястье. Лёгкая, почти небрежная походка человека, который давно перестал кому-либо что-либо доказывать.

Потом он поднимает глаза. Голубые. Холодные, как декабрьский лёд под коркой снега.

И я понимаю, что земля под моими босыми, обутыми в плетёные эспадрильи ногами больше не земля.

Это что-то качающееся, ненадёжное, как палуба в шторм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.